

© К. А. Баршт

ЖИЗНЬ ПИСАТЕЛЯ КАК ПРЕДЛОГ СЮЖЕТА
(О КРИПТОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ «СЕЛА СТЕПАНЧИКОВА»
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)

Незаконченный роман Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», созданный в период сибирской ссылки писателя и опубликованный в 1859 году в журнале «Отечественные записки»,¹ многими исследователями воспринимает-

¹ Распространенное определение жанра этого произведения как «повести» можно принять с некоторыми оговорками. Упомянув «Село Степанчиково» в своих письмах, Достоевский сис-

ся как прямое продолжение раннего творчества писателя. Согласно устоявшемуся мнению, Фома Опискин, Татьяна Ивановна, Обноскин, Мизинчиков, Коровкин, Ежевикин и другие персонажи этого произведения отражают пристрастие писателя к изображению «униженных и оскорбленных», людей с ущемленной «амбицией», в рамках тенденции, которая идет от «Бедных людей» и «Двойника» и далее распространяется на все его последующие произведения.² Отмечено также, что литературными предшественниками действующих лиц произведения являются герои «Тартюфа» Ж.-Б. Мольера,³ а также комедии «Нахлебник» И. С. Тургенева, которая читалась в кружке петрашевцев в конце 1840-х годов.⁴ Характер главного героя «Села Степанчикова» Фомы Опискина напомнил современникам Н. В. Гоголя в последние годы жизни,⁵ впоследствии эта версия была раскрыта в известной статье Ю. Н. Тынянова, в которой доказывается, что «Село Степанчиково» пародирует «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя.⁶ Эти и многие другие наблюдения указывают на широкий литературный контекст, в котором формировались идея и сюжет произведения.

Вместе с тем следует признать, что на формирование сюжетов произведений Достоевского и описание внешности и характеров созданных им персонажей значительное влияние оказывали не только историко-литературные прецеденты, но и памятные встречи с людьми; практически каждая книга Достоевского хранит на себе отпечаток той или иной личной жизненной проблемы, решение которой он искал в период ее создания. В связи с этим продуктивным методом изучения творчества Достоевского считается аналитическое сравнение фрагментов произведений с описанными в мемуарах эпизодами из жизни писателя. Например, известно, что в романе «Бесы» описана Тверь и ее салонно-светская жизнь,⁷ а целый ряд действующих лиц романа имеет прототипы в лице реальных жителей этого города, например губернатор П. Т. Баранов и его жена,⁸ такого же рода данные есть и о других произведениях писателя. Следуя этим путем, необходимо учитывать характерную манеру Достоевского прятать в трудно узнаваемые криптограммы свои личные впечатления и воспоминания, в которых описано и то, что не получило ясного

тематически называл его «романом» (28-1, 214, 220, 246, 280, 290; здесь и далее ссылки на Полное собрание сочинений Достоевского (В 30 т. Л., 1972—1990) даются в тексте с указанием номера тома и страницы), то же определение содержится и в самом тексте произведения (З, 163). Авторское определение жанра есть также и в его первой публикации (Село Степанчиково и его обитатели. Из записок неизвестного. Роман Ф. Достоевского // Отечественные записки. 1859. № 11. Отд. I. С. 65—206; № 12. Отд. I. С. 343—410). В письме к Е. И. Якушкину от 1 июня 1857 года из Семипалатинска Достоевский сообщал, что работает над «объемистым», «длинным» романом, который посвящен «приключениям одного лица» и состоит из «отдельных друг от друга и законченных само по себе эпизодов. Каждый эпизод составляет часть». Далее писатель уточнял, что «Село Степанчиково» является первой частью большого произведения: «роман состоит из 3-х книг, каждая листов 20 печатных, и из нескольких частей. Написана только 1-я книга в 5 частях. Остальные две книги напишутся не теперь, а когда-нибудь, ибо, во-1-х), они составляют хотя продолжение приключений того же лица, но в другом виде и характере и несколько лет спустя. 1-я же книга есть сама по себе полный и совершенно отдельный роман в 5 частях. Вся она написана, но еще не отделана...» (28-1, 281).

² См. об этом в комментариях А. В. Архиповой к «Селу Степанчикову» (З, 500—501).

³ Алексеев М. П. О драматических опытах Достоевского // Творчество Достоевского: Сб. статей и материалов / Под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса, 1921. С. 57—60.

⁴ Тургенев И. С. Чужой хлеб. Комедия в двух действиях // Современник. 1857. Т. LXII. Отд. I. С. 81—133.

⁵ Первым на близость Фомы Опискина к Гоголю «в грустную эпоху его жизни» обратил внимание А. А. Краевский (Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1935. С. 525; см. также: Виноградов В. В. Гоголь и Достоевский // Жизнь искусства. 1921. 30 авг. № 806. С. 6).

⁶ Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 198—226.

⁷ Емельянов Е. Достоевский в Твери // Писатели в Тверской губернии. Калинин, 1941. С. 76.

⁸ См.: Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975. С. 77—80.

освещения в мемуарах или вообще не имело свидетелей, способных это описать. Разумеется, при наличии содержательного свидетельства современника многие такого рода скрытые автобиографические аллюзии Достоевского имеют перспективы быть расшифрованными, но важное значение для правильной интерпретации этого материала имеет и методологический аспект.

Достоевский воспринимал свою жизнь как событие мировой истории, это служило основой для формирования стратегии событийности в его произведениях, что получило свое выражение в создании им характеров героев-философов, ищущих разгадку «тайны человека», своими мыслями, речами и поступками резко выбивающихся из рамок общепринятых правил и привычных закономерностей. Еще в юности он понял, что совершить свою жизнь как событие и занять в истории культуры место «человека с биографией» можно одним из двух способов: завоевав главенствующее место по правилам наличной социально-культурной парадигмы (став политическим деятелем, вождем масс и т. п.), либо отвергнув эту парадигму и объявив ей, в той или иной форме, войну. Достоевский в своих творческих исканиях, вольно или невольно, интерпретировал обе эти возможности, не случайно временами ему снились мировые катастрофы, например, изображенные им в виде «снов Раскольникова», а иногда и о том, что он — Наполеон Бонапарт и «разбивает австрийцев».⁹ Возможность создания умозрительного художественного мира позволяла писателю испробовать самые различные варианты утверждения индивидуального «я» в мире — от уголовного преступления до подвига жития святого. Разумеется, Достоевский не был в этом одинок, известно, что А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Дж. Г. Байрон и многие другие известные писатели также уделяли немалое внимание возможности строительства личной биографии.¹⁰

Художественный текст рождается как текстуальное свидетельство о бытии, оформленное с точки зрения конкретного индивидуума и обращенное к другому, обладающему иной системой ценностей; сформированная в произведении картина мира, фактически, есть предложение личного онтологического оправдания, позитивное принятие которого реципиентом и является стратегической целью автора. Согласно М. М. Бахтину, авторство есть непосредственное откровение «действительности сознания», состоящее из двух процессов: 1) «выразить самого себя», «сделать себя объектом для другого и для себя самого» («действительность сознания») и 2) выразить «свое отношение к себе как объекту (вторая стадия объективации)». При этом собственное слово становится объектным и получает второй — собственный же — голос.¹¹ Таким образом, в создании художественного мира и сюжетного времени произведения в равной степени, в неразрывном единстве и взаимном дополнении, участвуют процессы коммуникации и автокоммуникации, опора на память о чужих поступках и внешних событиях и о своих впечатлениях от них. Можно согласиться с Бахтиным, что этот «второй голос», отделившийся от видения автора личное слово персонажа, «не бросает от себя тени», однако, в «материализующей плоти» повествования оказывается возможно обнаружить более или менее очевидные следы начального процесса обращения истории своей жизни

⁹ Согласно А. Г. Достоевской, «Федор Михайлович имел часто тревожные сновидения: убийства, пожары и, главным образом, кровопролитные битвы. Во сне он составлял планы сражений и почему-то особенно часто разбивал именно австрийцев» (см.: Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому: Материалы, библиография и комментарий. М.; Пг., 1923. С. 60). Тот же сон снится князю Мышкину в романе «Идиот». На подозрение, что он, может быть, воображает себя «фельдмаршалом», Мышкин отвечает: «Ну вот честное слово, я об этом думаю, особенно когда засыпаю (...), только я не Наполеона, а всё австрийцев разбиваю» (8, 354).

¹⁰ Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958—1993). СПб., 1997. С. 813—815.

¹¹ Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике (Заметки 1959—1961 гг.) // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 289.

и фонда личной памяти в сюжет литературного произведения. Особенную актуальность этот вопрос обретал для Достоевского, который обратил процесс личного самосознания в литературно-эстетический процесс, где философская рефлексия заходила далеко за черту логических условных категорий и превращалась в напряженный диалог двух независимых друг от друга «голосов». Писатель осознанно выбирал для анализа событий собственной жизни точку видения «со стороны», создавая прочно укорененного в фактографии своей личной памяти повествователя, а затем, его усилиями, анализировал и переживал свою жизнь в свободной перспективе ее развития как чужую, взятую умозрительно и извне, тем самым порождая нарратив — с трагическим, а временами и комическим колоритом описания.

В итоге возникали произведения, в которых фигурировали и описывались памятные писателю события, нравственно-психологические состояния, переживания («Игрок», «Идиот»¹² и многие другие); в ряде случаев авторскому осмыслению такого рода подвергались жизненные пути, на пороге выбора которых стоял писатель, но которые так и не были выбраны — именно потому, что были осмыслены и проанализированы в сюжетах его очередных произведений, с доказательством их ошибочности и бесперспективности. В этом случае произведения Достоевского оказывались не только «пробами» неких идей, но осознанными художественными экспериментами на материале личной судьбы: социальные состояния, в которые полагала писателя реальность, он осмыслял как художник в широких рамках фактора свободы, при этом выбирая, как правило, наиболее рискованный вариант развития событий. Разумеется, этот вариант не применялся в реальной жизни, Достоевский оставался в социальном амплу «писателя», но с его помощью формировался сюжет очередного произведения: фактор творческой свободы превращался тем самым в фактор свободы экзистенциальной, позволяя ставить самые опасные вопросы, затрагивать самые сложные нравственные проблемы. Это, в свою очередь, определяло то, что принципиальный автобиографизм произведений Достоевского сочетался с сознательным сокрытием источника фабулы и событийной канвы, когда то или иное звено фабулы предстает перед нами в виде придуманной истории, чистого продукта авторского воображения, на самом деле являясь перелицованным личным переживанием, следом внутренней рефлексии или памятным ему впечатлением.¹³ Впрочем, благодаря различного рода свидетельствам, воспоминаниям современников, письмам — которые Достоевский, создавая свои криптограммы, не очень-то брал в расчет (здесь сказалась скромность писателя, не верившего в возможность «достоеведения») — эти скрытые автоаллюзии, рассыпанные по его произведениям криптограммы, обращенные к личной памяти писателя, в ряде случаев оказываются возможно осмыслить и прочитать.

Например, создавая свое первое произведение, роман «Бедные люди», писатель перевел личные бытовые и экзистенциальные проблемы — отсутствие денег, неустойчивое социальное положение, невысокий чин с отсутствием перспективы для продвижения по службе, походы к ростовщикам, нежелание служить, твердое намерение стать писателем при отсутствии уверенности в том, что это может увенчаться успехом, волновавшую его судьбу сестры Варвары Михайловны, которая вышла замуж не по любви, а по расчету — в фабулу своего произведения, затушевывая автобиографизм ситуации несколькими деталями: именем и возрастом героя, его профессией и местом жительства. Главное же в Макаре Девушкине — условия жизни, социальное положение, чин младшего разряда, талант литератора и фило-

¹² В «Игроке» зафиксированы впечатления Достоевского от игры в рулетку (см.: 5, 400—401), в «Идиоте» — воспоминания о его жесточайшем конфликте с кружком Белинского в 1846—1848 годах (см.: [Панаев И. И.]. Заметки Нового Поэта о Петербургской жизни // Современник. 1855. Декабрь. Т. 54. № 12. Отд. 5. С. 238—240).

¹³ «В публике нашей есть инстинкт, как во всякой толпе, но нет образованности. (...) Во всем они привыкли видеть рожу сочинителя; я же моей не показывал» (28-1, 117).

софа, горячее нравственное чувство, непримиримые «амбиции», стремление заниматься литературой, любовь и сочувствие к бедной Вареньке — Достоевский позаимствовал непосредственно из обстоятельств своей жизни в этот период и запасов личной памяти.

Таким образом, роман «Бедные люди» повествует о том, во что могла бы превратиться жизнь Достоевского, если бы в 1844 году, собираясь посвятить свою жизнь литературе, он проявил слабость и поддался жесткому давлению со стороны своего опекуна П. А. Карепина, согласившись остаться на государственной службе. Реальность в эти годы поставила перед Достоевским выбор: малоудачная и тоскливая служебная карьера, отягощенная неважным ее началом,¹⁴ или рискованный, но творчески перспективный путь в литературе. Движение к выполнению этой задачи, написанию успешного дебютного романа, сформировало фабулу о бедном чиновнике Девушкине, который и после «тридцати годочков» службы (срок, необходимый для выхода на пенсию) остается в душе поэтом и мечтает стать литератором, художественное слово возрождает его к жизни: из переписчика чужих слов он неожиданно для себя самого обращается в талантливую автора, обладающего «своим слогом» и своим словом. Девушкин, находясь в шаге от пенсии, в конечном итоге, приходит к решению «заняться литературой» (1, 94). Однако, потеряв своего единственного читателя, Вареньку, он обречен — ему поздно начинать литературную карьеру, и его талант оказался погублен. Вопрос, который стоял перед самим Достоевским после окончания им Главного инженерного училища, в 1844 году — чиновником 10-го класса, обратился в главную тему произведения, созданием которого он завершал свою судьбу государственного служащего и одновременно начинал путь литератора. «Бедные люди» — это грозное предостережение молодого Достоевского самому себе о возможном и ведущем к трагическому тупику варианте развития его судьбы.¹⁵ Возможно, Достоевский чувствовал то, о чем позже написал М. М. Бахтин: «Отвлеченно-смысловая сторона, не соотношенная с безысходно-действительной единственностью, проективна; это какой-то черновик возможного свершения, документ без подписи, никого и ни к чему не обязывающий. Бытие, отрешенное от единственного эмоционально-волевого центра ответственности — черновой набросок, непризнанный возможный вариант единственного бытия; только через ответственную причастность единственного поступка можно выйти из бесконечных черновых вариантов, переписать свою жизнь набело раз и навсегда».¹⁶ Спустя два года после окончания «Бедных людей», в «Петербургской летописи», Достоевский резюмировал: «жизнь — целое искусство», а «жить значит сделать художественное произведение из самого себя» (18, 13). Фактически именно это он и сделал в процессе работы над «Бедными людьми»: обратил фабулу своей жизни в сюжет романа. Затем развернул ситуацию в обратную сторону: сделал свой роман частью реальной жизни.¹⁷

Достоевский и далее применял этот метод художественного проектирования и анализа того или иного рискованного шага, с последовательным описанием всех его реальных последствий, возможного и невероятного продолжения своей судьбы

¹⁴ В пору учебы Достоевский проявил нерадивость при исполнении служебных обязанностей, не по форме обратившись к великому князю Михаилу Павловичу, за что был им назван «дураком» (см.: *Миллер О. Ф.* Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 45).

¹⁵ *Баршт К. А.* «Бедные люди» Ф. М. Достоевского: автобиографическое исследование и роман-предостережение // Достоевский и современность. Материалы XXVI Международных Старорусских чтений 2011 года. Великий Новгород, 2012. С. 16—33.

¹⁶ *Бахтин М. М.* К философии поступка // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2003. Т. 1. С. 42.

¹⁷ Прием карнавального выворачивания ситуации наизнанку в сюжете «Села Степанчикова» первым обнаружил М. М. Бахтин (см.: *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 6. С. 183—184).

с дальнейшим описанием в очередном произведении. После выхода из каторги в январе 1854 года писатель снова оказывается в положении дебютирующего литератора — никто, кроме, пожалуй, брата Михаила, не верил, что он сможет вернуться в литературу и преодолеть представление о себе как о «конченном человеке». Во втором своем дебюте, «Селе Степанчикове», писатель вновь обращается к тому же методу творческой интерпретации обстоятельств и перспектив дальнейшего развития своей жизни. Автобиографизм ряда эпизодов этого произведения справедливо отмечен в комментарии к нему в Полном собрании сочинений писателя (3, 508), однако некоторые из криптограмм нуждаются в дополнительном объяснении.

Особую роль в изучении «Села Степанчикова» играют воспоминания барона Александра Егоровича Врангеля, окружного прокурора Семипалатинска и близко друга Достоевского в период сибирской ссылки писателя. Следует отметить, что Врангель приложил немало сил, чтобы облегчить участь сырьного: приемы в лучших домах города и скорое получение Достоевским унтер-офицерского, затем офицерского чина — целиком и полностью его заслуга. Характер, незаурядный ум и честность Врангеля получили впоследствии отражение в романе «Преступление и наказание» в образе следователя Порфирия Петровича.¹⁸ Уровень доверия к Врангелю со стороны Достоевского был таков, что он даже предлагал ему подписывать произведения своим именем (в период, когда еще не имел права публиковать произведения).¹⁹ Впоследствии Врангель сделал блестящую дипломатическую карьеру, работал на Балканах, затем в Германии.

Характер и некоторые черты внешности Врангеля Достоевский изобразил в «Селе Степанчикове» в образе полковника Ростанева; в его репликах можно заметить следы мыслей, которые связывали роман Достоевского с его сибирской жизнью. Описанный в «Селе Степанчикове» эпизод, связанный с требованием к Ростаневу сбрить усы и бакенбарды²⁰ (3, 15), также имеет биографическую аллюзию: Врангель рассказывал Достоевскому, что его недруг, семипалатинский чиновник, которого Достоевский именовал «жареным скорпионом», сочинил донос, указывая на факт, что тот, вопреки высочайшему указу, носит усы.²¹ Этим не исчерпывается список событий и фактов, отраженных в тексте «Села Степанчикова», аллюзивный адрес которых можно обнаружить в указанных мемуарах.

Весной 1854 года, по освобождении из острога, Достоевский был определен рядовым солдатом в семипалатинский Седьмой линейный батальон. Город, по свидетельству Врангеля, не имел «ни одной мощеной улицы (...) ходить было трудно, увязая по щиколку в песке, а летом, с палящей жарой в 30° в тени, просто жгло ногу в раскаленном песке» (21). Достоевский воспринимал Семипалатинск как «село», намек на это содержится в «Записках из Мертвого дома»: «В отдаленных краях Сибири, среди степей, гор или непроходимых лесов, попадаются изредка маленькие города, с одной, много с двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные, с двумя церквями — одной в городе, другой на кладбище, — города, похожие более на хорошее подмосковное село, чем на город» (4, 5). Тем не менее переезд из острога в солдатскую казарму выглядел для Достоевского «раем» (19). Социальное амплуа писателя в этот период оказалось весьма близким к тому, каким обладал в Степанчикове Фома Опискин: литератора, некогда пользовавшегося известностью, а ныне пребывающего в роли нищего и безвестного изгнанника. Психологиче-

¹⁸ См.: Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь. СПб., 2001. С. 161.

¹⁹ Г-в [Герасимов Б.]. Ф. М. Достоевский в Семипалатинске // Сибирские огни. 1926. № 3. С. 147.

²⁰ Указ Николая I от 2 апреля 1837 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1838. Т. XII. С. 206.

²¹ Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854—56 гг. СПб., 1912. С. 92—93. Далее ссылки на мемуары А. Е. Врангеля приводятся в тексте по этому изданию с указанием номера страницы.

ское состояние «несправедливо обиженного» и «непризнанного гения», а также связанные с этим переживания, были знакомы Достоевскому и ранее, по его конфликту с участниками кружка В. Г. Белинского, законодателями мод в литературе 1845—1849 годов, которые, по их мнению, жестоко ошиблись, посчитав Достоевского за талантливого писателя. Общее настроение выразил Белинский в письме к П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 года: «Надулись же мы, друг мой, с Достоевским — гением! О Тург(еневе) не говорю — он тут был самим собою, а уж обо мне, старом чорте, без палки нечего и толковать. Я, первый критик, разыграл тут осла в квадрате. (...) Из Руссо я только читал его „Исповедь” и, судя по ней, да и по причине религиозного обожания ослов, возымел сильное омерзение к этому господину. Он так похож на Дост(оевского), который убежден глубоко, что всё человечество завидует ему и преследует его».²² Не стоит забывать, что на следующий год Достоевский отправился в ссылку из литературного сообщества, которое всецело разделяло это мнение. Далее были четыре года каторги, затем жизнь человека, которого наказывают за его убеждения — Достоевский в большом переизбытке имел опыт несправедливо гонимого и преследуемого человека.

Текст «Села Степанчикова» в криптографической форме свидетельствует о размышлениях писателя, связанных с обстоятельствами его жизни в Семипалатинске. В этот период Достоевский был вынужден жить по нелепым и тягостным для него правилам, навязанным судьбой: жесткие условия солдатской службы и одновременно статус «приживальщика» в домах семипалатинских бонз. Писатель, без сомнения, тяжело переживал необходимость принятия законов и культурных регламентов провинциальных обывателей — людей, которые значительно уступают ему в уме и образовании, однако столь же выше его в социальном и материальном положении. Незабываемое состояние «непризнанного гения», которого сослали за «убеждения», да еще с оттенком роли приживальщика, тяготило писателя, но одновременно стало бесценным опытом, который он использовал при работе над «Селом Степанчиковым». Предвосхищая «Записки из подполья», Достоевский дает детальный анализ психологического состояния человека, находящегося в подобной ситуации: «А зависть, а сплетни, а ябедничество, а доносы, а тайнственные шипения в задних углах у вас же, где-нибудь под боком, за вашим же столом?.. Кто знает, может быть, в некоторых из этих униженных судьбою скитальцев, ваших шутов и юродивых, самолюбие не только не проходит от унижения, но даже еще более распаляется именно от этого же самого унижения, от юродства и шутовства, от прихлебательства и вечно вынуждаемой подчиненности и безличности» (3, 12).²³

Развивая объяснение слишком хорошо знакомого ему этико-психологического состояния изгоя, подвергнутого публичному осмеянию, повествователь «Степанчикова» готов оправдать «безобразно вырастающее самолюбие» Фомы Опискина тем, что оно, возможно, «есть только ложное, первоначально извращенное чувство собственного достоинства, оскорбленного в первый раз еще, может, в детстве гнетом, бедностью, грязью, оплеванного, может быть, еще в лице родителей будущего скитальца, на его же глазах?» (3, 12). Как и сам Достоевский, Фома Опискин «был когда-то литератором и был огорчен и не признан; а литература способна загубить и не одного Фому Фомича — разумеется, непризнанная. Не знаю, но надо полагать, что Фоме Фомичу не удалось еще и прежде литературы; может быть, и на других карьерах он получал одни только щелчки вместо жалования или что-нибудь еще того хуже. Это мне, впрочем, неизвестно; но я впоследствии справлялся и наверно знаю, что Фома действительно сотворил когда-то в Москве романчик» (3,

²² Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: [В 13 т.] М., 1956. Т. 12: Письма 1841—1848 гг. М., 1956. С. 467.

²³ Возглас Фомы Опискина: «...я хочу любить, любить человека (...), а мне не дают человека, запрещают любить, отнимают у меня человека!» (3, 154), по своему смыслу совпадает с жалобой «подпольного»: «Мне не дают... Я не могу быть... добрым!» (5, 175).

12). До этого пункта в описании прошлого Фомы Опискина мы видим совпадение с судьбой Достоевского в 1840-е годы. А далее начинается вариант, который сам Достоевский не принял, но который был им осмыслен и проанализирован как вероятный и весьма опасный, вариант, который всеми силами ему самому нужно было избежать: «змея литературного самолюбия жалит иногда глубоко и неизлечимо, особенно людей ничтожных и глуповатых. Фома Фомич был огорчен с первого литературного шага и тогда же окончательно примкнул к той огромной фаланге огорченных, из которой выходят потом все юродивые, все скитальцы и странники. С того же времени, я думаю, и развилась в нем эта уродливая хвастливость, эта жажда похвал и отличий, поклонений и удивлений. Он и в шутках составил себе кучку благоговевших перед ним идиотов. Только чтоб где-нибудь, как-нибудь первенствовать, прорицать, поковеркаться и похвастаться — вот была главная потребность его! Его не хвалили — так он сам себя начал хвалить» (3, 12).

Разумеется, Достоевский в Семипалатинске не испытывал никакой необходимости «себя хвалить», так как буквально утопал в это время в льстивых и восторженных речах окружающих, однако моделирование этого психологического состояния было для него, учитывая специфику семипалатинского опыта, не трудным делом. Как указывает Врангель, какая-либо культурная или общественная жизнь в Семипалатинске отсутствовала: «За два года моего пребывания туда не заглянул ни один проезжий музыкант, да и фортепиано было только одно в городе, как редкость. Не было даже и примитивных развлечений, хотя бы вроде балагана или фокусника. (...) Не помню ни одной вечеринки с танцами, ни одного пикника или общественной прогулки. Все жило большею частью особняком, чуждалось друг друга. Мужчины пили, ели, играли, скандалили и ездили по гостям к богатым татарам. Жены сплетничали» (27—28). В целом, это был «жалкий городишка», «скудный впечатлениями, увязший в сплетнях и дрязгах» (77). С помощью Врангеля, «мало-помалу», Достоевский «познакомился с некоторыми офицерами и чиновниками», вместе с тем, испытывая не самые приятные ощущения от этого общения, как деликатно указывает Врангель, «был далек от тесного сближения с ними» (19).

После нескольких месяцев, проведенных им в казарме, и пользуясь милостью своих начальников, прекрасно понимавших, с кем они имеют дело, Достоевский получил возможность переехать на частную квартиру, «за ответственность его ротного командира, Степанова» (19). Творческий процесс Достоевского по созданию романа «Село Степанчиково» в изображении мемуариста выглядел так: «Растегнув шинель, с чубуком во рту, он шагал по комнате, часто разговаривая сам с собою (...). Как сейчас вижу его в одну из таких минут; в это время он задумал писать „Дядюшкин сон“ и „Село Степанчиково“» (30—31). Дом, в котором жил и работал Достоевский, имел вид «закоптелой деревенской бани с пауками», совпадающий по внешнему виду с моделью загробной вечности, которую проектирует Свидригайлов в романе «Преступление и наказание»: «Изда была бревенчатая, древняя, скривившаяся на один бок, без фундамента, вросшая в землю, и без единого окна наружу, ради опасения от грабителей и воров»; «На стенах, там и сям лубочные картинки, засаленные и засиженные мухами. У входа налево от дверей большая русская печь. За нею помещалась постель Ф. М., столик и, вместо комода, простой дощатый ящик. Все это спальное помещение отделялось от прочего ситцевою перегородкою. За перегородкой в главном помещении стоял стол, маленькое в раме зеркальце. На окнах красовались горшки с геранью и были занавески, вероятно, когда-то красные. Вся комната была закопчена и так темна, что вечером с сальной свечою, — стеариновые тогда были большою роскошью, а освещения керосином еще не существовало, — я еле-еле мог читать. Как при таком освещении Ф. М. писал ночи напролет, — решительно не понимаю» (24). Сравни в «Преступлении и наказании»: «представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде дере-

венской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится» (6, 221). Сходство семипалатинского дома Достоевского с образом «вечности» в представлениях Свидригайлова подчеркивается также тем, что в обоих помещениях отмечается переизбыток малопрятных насекомых: «Была еще приятная особенность его жилья, — пишет А. Е. Врангель, — тараканы стаями бегали по столу, стенам и кровати, а летом особенно блохи не давали покоя» (24). «А что, если там одни пауки или что-нибудь в этом роде», — говорит Свидригайлов (6, 221).

Пройдя некоторый период реабилитации, Достоевский начал посещать семипалатинские дома и салоны, куда его охотно приглашали как практически единственную знаменитость захолустного городка. Особенное внимание Достоевскому оказывали «интеллигентные дамы города», которые постоянно стремились завоевать его внимание и требовали общения с ним как с неким глашатаем истины, ставя его в положение «великого писателя», каждое слово которого выслушивалось с благоговением и записывалось в дневники. Наибольшую активность проявляли жена его ротного командира Степанова и Мария Дмитриевна Исаева, обе жены горьких пьяниц (именно за это Степанов был отправлен служить в Семипалатинск из Петербурга, Исаев же вскоре окончательно спился и умер). Посещая семипалатинские дома, Достоевский обязан был говорить фразы, рассчитанные на всеобщее восхищение и умиление, а также выслушивать чтение стихов, написанных местными поэтами, и выносить относительно их качества свой вердикт (19). Разумеется, общение с провинциальными обожателями, засыпавшими его льстивыми словами и требовавшими изречения моральных суждений, готовыми ими восхищаться и пр., не могло не оставить свой след в памяти писателя. Это был особенный опыт, который оказался бесценным при формировании сцен с витийствующим Фомой Опискиным в «Селе Степанчикове». В письме А. Н. Майкову от 18 января 1856 года он подчеркивает автобиографический характер главного героя, а также ярко выраженный комический характер фабулы задуманного произведения: «Я шутя начал комедию и шутя вызвал столько комической обстановки, столько комических лиц и так понравился мне мой герой, что я бросил форму комедии, несмотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствия как можно дольше следить за приключениями моего нового героя и самому хохотать над ним. Этот герой мне несколько сродни. Короче, я пишу комический роман» (28-1, 209).²⁴

Как выглядели обитатели семипалатинского «салона», можно судить по следующему описанию в «Селе Степанчикове»: «Все были мрачны и озабочены. <...> Один из двух мужчин, бывших в комнате, был еще очень молодой человек, лет двадцати пяти, тот самый Обноскин, о котором давеча упоминал дядя, восхваляя его ум и мораль. Этот господин мне чрезвычайно не понравился: всё в нем сбивалось на какой-то шик дурного тона; костюм его, несмотря на шик, был как-то потерт и скуден; в лице его было что-то как будто тоже потертое. Белобрысы, тонкие, тараканьи усы и неудавшаяся клочковатая борода, очевидно, предназначены были предъяслять человека независимого и, может быть, вольнодумца» (3, 42—43). «Другой господин, тоже еще человек молодой, лет двадцати восьми, был мой троюродный братец, Мизинчиков. Действительно, он был чрезвычайно молчалив. За чаем во всё время он не сказал ни слова, не смеялся, когда все смеялись; но я вовсе не заметил в нем никакой „забитости“, которую видел в нем дядя; напротив, взгляд его светло-карих глаз выражал решимость и какую-то определенность характера» (3, 43). Далее повествователь заметил и узнал «девицу Перепелицыну,

²⁴ Возможно, работая над образом Фомы Фомича, Достоевский припоминал тональность своих писем к брату периода триумфа «Бедных людей» (зима—весна 1846 года), когда Достоевский опробовал тон и стиль, свойственный речам Фомы Опискина: «Князь Одоевский просит меня осчастливить его своим посещением, а граф Соллогуб рвет на себе волосы от отчаяния. Панаев объявил ему, что есть талант, который их всех в грязь втопчет» (28-1, 115).

по ее необыкновенно злому, бескровному лицу. Она сидела возле генеральши, — о которой будет особая речь впоследствии, — но не рядом, а несколько сзади, из почтительности; поминутно нагибалась и шептала что-то на ухо своей покровительнице. Две-три пожилые приживалки, совершенно без речей, сидели рядком у окна и почтительно ожидали чаю, вытаращив глаза на матушку-генеральшу. Заинтересовала меня тоже одна толстая, совершенно расплывшаяся барыня, лет пятидесяти, одетая очень безвкусно и ярко, кажется, нарумяненная и почти без зубов, вместо которых торчали какие-то почерневшие и обломанные кусочки; это, однако ж, не мешало ей пищать, прищуриваться, модничать и чуть ли не делать глазки. Она была увешана какими-то цепочками и непрерывно наводила на меня лорнетку, как мсье Обноскин. Это была его маменька. Смирная Прасковья Ильинична, моя тетушка, разливала чай» (3, 43). Таковы впечатления, которые остались в памяти Достоевского от посещения семипалатинских домов; других визитов такого рода к 1857 году у Достоевского просто не было.

Отсутствие в Семипалатинске какой-либо осмысленной общественной жизни, занятий, способных объединить духовно, стало фактором, который обратил Достоевского в любимую игрушку семипалатинских дам, уговаривавших своих мужей, важнейших чиновников города, помочь ему и наперебой приглашавших его в гости; хождение по гостям смягчало тяжесть службы, а иногда и просто заменяло ее, учитывая то, кому именно он делал визиты; следует отметить, что Достоевскому, который воспринимал всю эту ситуацию с иронией, даже нравились эти посещения семипалатинского «света», подспудно он собирал в эти моменты материал для романа «Село Степанчиково». Изо дня в день, посещая дома членов семипалатинского «бомонда» и тем самым избегая ненавистной для него солдатской муштры, Достоевский был вынужден пребывать в амплуа заезжего «великого писателя», которого подвергли жестоким и несправедливым преследованиям, принимать выражение восхищения, умиления и почитания. Можно себе только представить, насколько отвратительна ему была эта роль, за которой скрывалась истинная трагедия его изоляции от литературной жизни, и эта навязанная ему судьбой игра, возможно, и немного отвлекала от ужаса сибирского «запустения», но вряд ли облегчала моральные страдания.

Невероятная популярность Достоевского привела к тому, что он стал буквально нарасхват во всех более или менее значительных домах Семипалатинска. Это даже несколько смутило мемуариста, который сам немало сил приложил, чтобы ввести Достоевского в семипалатинский «свет»: «Скоро он сделался домашним человеком даже у своего батальонного командира, Беликова» (25). Как пишет Врангель, жена начальника Семипалатинского суда «страшно скучала, всегда очень радовалась приходу Ф. М.; он меня усиленно тащил к ним в дом» (27). В конце концов его пригласил в гости сам военный губернатор области, генерал П. М. Спиридонов. Согласно мнению Врангеля, это был «добрейший человек (...) в высшей степени хлебосол. Благодаря своему высокому положению, он был, конечно, первое лицо в городе. (...) Он встречал Достоевского то там, то сям и, кажется, сам даже ходатайствовал за него у батальонного командира (...) Вскоре Спиридонов искренно полюбил Достоевского, — он сделался у него своим человеком; где только мог, Спиридонов ему помогал и вообще был ему полезен» (25). Возможно, что на страницах «Села Степанчикова» мы видим портрет жены губернатора Семипалатинска: «Генеральша благовела перед своим мужем. Впрочем, ей всего более нравилось то, что он генерал, а она по нем — генеральша. В доме у ней была своя половина, где всё время полусуществования своего мужа она процветала в обществе приживалок, городских вестовщиц и фиделек. В своем городке она была важным лицом. Сплетни, приглашения в крестные и посаженные матери, копеечный преферанс и всеобщее уважение за ее генеральство вполне вознаграждали ее за домашнее стеснение. К ней являлись городские сороки с отчетами; ей всегда и везде

было первое место, — словом, она извлекла из своего генеральства всё, что могла извлечь» (3, 7).

Во всех случаях речь шла о невероятном хлебосольстве, которым традиционно отличались русские служилые люди, особенно в провинции. Повышенное внимание к тому, чтобы накормить гостя, было, разумеется, очень кстати для Достоевского, истощенного предшествующими годами каторги, но одновременно не могло не травмировать его как человека, который на протяжении всей жизни отличался повышенной ранимостью и склонностью к тяжким переживаниям в случаях, когда его личное достоинство ущемлялось таким не слишком деликатным «благодетелем», каким был, например, Беликов. Это была «преоригинальная личность», отличавшаяся «хлебосольством и добродушием»: «маленький ростом, с круглым брюшком, юркий и подвижный, с большим красным носом, говорил всем „ты, батюшка“ и готов был первому встречному отдать последнюю рубашку. Всегда навеселе, любил карты и особенно прекрасный пол» (25—26). Согласно свидетельству другого современника, служившего в Семипалатинске в это время, образованные офицеры были там большой редкостью.²⁵ Как и в Степанчикове, в Семипалатинске «не жаловали высоких материй», а в процессе карточной игры возникали «крики, визги, ругательства и чуть-чуть не побои. Генерал, когда что ему не нравилось, ни перед кем не стеснялся: визжал как баба, ругался как кучер, а иногда, разорвав и разбросав по полу карты и прогнав от себя своих партнеров, даже плакал с досады и злости, и не более как из-за какого-нибудь валета, которого сбросили вместо девятки» (3, 7).

Другим хлебосольным хозяином, который также мучил Достоевского ненавистными для него картами, но одновременно был готов принять и облагодетельствовать ссыльного писателя, был командир казачьего полка полковник Мессарош: «Это был человек довольно воспитанный, с замашками на аристократизм, холостой. Хозяйство его вела привезенная им из России²⁶ довольно милая, образованная подруга, всегда любезно принимавшая гостей. У Мессароша не пьянствовали, но зато шла страшная игра. Ни Ф. М., ни я карт в руки не брали» (26). Другим местом, в котором коротал Достоевский время своей ссылки, был дом местного начальника округа и окружного суда: «жена его была очень милая и красивая женщина; он сам, когда-то блестящий гвардейский офицер, теперь опустился,пил горькую, изводил жену ревностью и развил у себя в суде такое взяточничество, что мне непрерывно приходилось с ним препираться, требовать объяснения и не пропускать его журналов, дел». Не отставали от русских и казахи: «Наши приятели, богачи Менды-Бай и Тени-Бай (...) рады были принять нас, особенно их молодые жены. Нас поили свежим кумысом, угощали бараньим, твердым, как камень, сыром, пловом с бараниной и колбасой из копченого мяса молоденького жеребенка» (46). В итоге, Достоевский уже должен был выбирать, к кому ему идти, и выбор между домом полковника и генерала выводил его де-факто из его солдатского статуса. Так, писатель брезговал посещением «начальника таможни», немца Армстронга, который, по словам Врангеля, «выступал, как павлин, любуясь собой, ни на минуту не забывая своего высокого положения (...) Достоевский его ненавидел, острил на его счет и иначе не называл, как „благородный Армстронг“» (27).

Характеры некоторых других героев «Степанчикова» также были подсказаны Достоевскому представителями его семипалатинского окружения. Описание Ежевика в «Степанчикове» заставляет думать, что его прототипом был коллежский секретарь Александр Иванович Исаев (1822—1855), первый муж М. Д. Исаевой,

²⁵ Скандин А. В. Ф. М. Достоевский в Семипалатинске // Исторический вестник. 1903. Январь. Т. ХСІ. С. 216.

²⁶ В соответствии с тогдашней традицией «Россией» Врангель называет европейскую часть страны в отличие от «Сибири», которая воспринималась тогда как колонизируемая территория.

вскоре умерший от пьянства, с которым Достоевский познакомился на одном из семипалатинских «вечеров». Описание его внешности в «Селе Степанчикове»: «Это был маленький старичок, рябой, с быстрыми и вороватыми глазками, с плешью и с лысиной и с какой-то неопределенной, тонкой усмешкой на довольно толстых губах. Он был во фраке, очень изношенном и, кажется, с чужого плеча. Одна пуговица висела на ниточке; двух или трех совсем не было. Дырявые сапоги, засаленная фуражка гармонировали с его жалкой одеждой. В руках его был бумажный клетчатый платок, весь засморканный, которым он обтирал пот со лба и висков» (3, 50). В ряде случаев Достоевский брал в описании своих персонажей отдельные эпизоды или случаи из их жизни, как например в описании Мизинчикова: «Иван Иванович Мизинчиков (...) в отставку вышел из гусаров, поручиком; человек еще молодой. Благороднейшая душа! но, знаешь, так промотался, что уж я и не знаю, где он успел так промотаться» (3, 38). В Семипалатинске Достоевский был хорошо знаком с «благороднейшим» и милейшим Беликовым, мотом и картежником, который в конце концов растратил казенные деньги и застрелился, что повергло в глубокое горе всех, кто его знал (26).

Не вызывает сомнений, что и личность Врангеля, блестяще образованного молодого человека, сознательно выбравшего провинцию местом своей службы, оказала на Достоевского сильное влияние. Достоевский написал о нем брату в январе 1856 года слова, которые заставляют думать о том, что в создании писателем характера «положительно прекрасного человека» был использован и опыт общения с Александром Егоровичем Врангелем: «душа добрая, чистая (...) В двух словах изображу тебе на всякий случай характер Ал(ександра) Ег(оровича), чтоб тебе было легче и чтоб ты уж ничем более не затруднялся. Это человек очень молодой, очень кроткий, хотя с сильно развитым *point d'honneur*, до невероятности добрый, немножко гордый (но это снаружи, я это люблю), немножко с юношескими недостатками, образован, но не блистательно и не глубоко, любит учиться, характер очень слабый, женски впечатлительный, немножко ипохондрический и довольно мнительный; что другого злит и бесит, то его огорчает — признак превосходного сердца» (28-1, 199—200). Чистота нравственного самосознания Александра Егоровича стала откровением для Достоевского, была не только предметом уважения, но и своего рода нравственной опорой в его сибирском лихолетье; можно предположить, что Врангель стал одним из прототипов полковника Ростанева в «Селе Степанчикове», склонного, как и Врангель, оправдывать любой неверный шаг ближнего своего.

Функцию морального авторитета, способного разрешить трудную жизненную коллизию, которая была столь востребована в семипалатинском «свете», Достоевский осуществлял и в отношениях со своим другом и мемуаристом. Врангелю было в то время двадцать два года, и он пережил сильное любовное увлечение. Его избранница была на пятнадцать лет старше и имела «шесть человек детей, что, впрочем, не мешало ей пускать пыль в глаза выписываемыми ею парижскими туалетами и из поклонников своих вить веревки» (53).²⁷ Достоевский, по словам Врангеля, называл все это «бесконечно страшным горем» и отговорил Врангеля от его намерения отдаться своим чувствам (53). Возможно, когда Достоевский создавал бурлескное описание речи Опискина, якобы спасающего Ростанева от «пагубной страсти», он использовал риторику своих обращений к Врангелю: «Но умоляю вас на коленях: если в сердце вашем осталась хотя искра нравственности, обуздайте стремление страстей своих! И если тлетворный яд еще не охватил всего здания, то, по возможности, потушите пожар!»; «Умерьте страсти, (...) побеждайте себя. „Если хочешь победить весь мир — победи себя!“ Вот мое вседневное правило. Вы поме-

²⁷ Речь идет о жене начальника Алтайских заводов полковника А. Р. Гернгросса Екатерины Иосифовне. Впоследствии Достоевский использовал эту историю в качестве основы для фабулы повести «Вечный муж» и в романе «Бесы».

щик; вы должны бы сиять, как бриллиант, в своих поместьях, и какой же гнусный пример необузданности подаете вы здесь своим низшим! Я молился за вас целые ночи и трепетал, стараясь отыскать ваше счастье. Я не нашел его, ибо счастье заключается в добродетели...» (3, 137). С другой стороны, то, что испытывал Достоевский, предостерегая своего друга от неправильного шага (за что тот ему потом был бесконечно благодарен), видимо, совпадает с тем, что чувствовал повествователь «Степанчикова», собираясь в дорогу с целью спасения своего дяди от злого гения Опискина. Им владеет то же состояние довольства своим намерением осчастливить ближнего своего: «Я решил ехать в Степанчиково, желая не только взрастить и утешить дядю, но даже спасти его по возможности, то есть выгнать Фому, расстроить ненавистную свадьбу с перезрелой девой и, наконец, — так как, по моему окончательному решению, любовь дяди была только придиричливой выдумкой Фомы Фомича, — осчастливить несчастную, но, конечно, интересную девушку предложением руки моей и проч. и проч. Мало-помалу я так вдохновил и настроил себя, что, по молодости лет и от нечего делать, перескочил из сомнений совершенно в другую крайность: я начал гореть желанием как можно скорее наделать разных чудес и подвигов. Мне казалось даже, что я сам выказываю необыкновенное великодушие, благородно жертвуя собою, чтоб осчастливить невинное и прелестное создание, — словом, я помню, что во всю дорогу был очень доволен собой» (3, 19).

Учитывая грубость и необразованность большинства людей, в зависимость от которых попал Достоевский, не исключено, что попреки, обвинения и скандалы, сопутствовавшие этим «обедам», могли прямо или косвенно задевать человеческое достоинство писателя. Что переживал Достоевский, когда он, автор романа «Бедные люди», оказался в положении Макара Девушкина на приеме у генерала, который снисходительно дает ему, от щедрот, сто рублей? Видимо, нечто в таком роде, что мы видим на страницах «Степанчикова»: «Вы попрекнули меня сейчас этими кусками, каждым глотком этого хлеба, уже съеденного мною; вы мне доказали теперь, что я жил как раб в вашем доме, как лакей, как обтирка ваших лакированных сапогов! А между тем я, в чистоте моего сердца, думал до сих пор, что обитаю в вашем доме как друг и как брат! Не сами ль, не сами ль вы змеиными речами вашими тысячу раз уверяли меня в этой дружбе, в этом братстве? Зачем же вы таинственно сплетали мне эти сети, в которые я попал, как дурак? Зачем же во мраке копали вы мне эту волчью яму, в которую теперь вы сами втолкнули меня?» (3, 85).

Для человека, которого приглашают в дом как «знающего, талантливого и образованного», существует опасность невольного сползания к роли некоего «мудреца» и «прорицателя», от которого все начинают ждать либо острого словца, либо философской сентенции — этого не мог не почувствовать Достоевский во время своих семипалатинских визитов. В «Селе Степанчикове» этот процесс описывается так: «Мало-помалу он достиг над всей женской половиной генеральского дома удивительного влияния, отчасти похожего на влияния различных иван-яковличей и тому подобных мудрецов и прорицателей, посещаемых в сумасшедших домах иными барынями, из любительниц. Он читал вслух душеспасительные книги, толковал с красноречивыми слезами о разных христианских добродетелях; рассказывал свою жизнь и подвиги; ходил к обедне и даже к заутрене, отчасти предсказывал будущее» (3, 8). Когда Достоевский писал эти строки, он, несомненно, вспоминал восхищенные взоры дам, окружавших его в салонах Семипалатинска. Какого рода моральные уроки преподавал Достоевский семипалатинским дамам, можно судить по его письму к Врангелю, которого он просит дать денег М. Д. Исаевой, прилагая следующее наставление: «Но боже мой! Я, кажется, Вас учу, как писать! Поверьте мне, Алекс(андр) Егорович, я очень хорошо знаю, что Вы понимаете, может быть, лучше другого, как обходиться с человеком, которого пришлось одолжить. Я знаю,

что Вы с ним удвоите, утроите учтивость; с человеком одолженным надо поступать осторожно; он мнителен; *ему так и кажется, что небрежностью с ним, фамильярностью хотят его заставить заплатить за одолжение*, ему сделанное. Всё это Вы знаете так же, как и я, если Бог дал нам смысл и благородство, то мы иначе и не можем быть. *Noblesse oblige*, а Вы благородны, это я знаю» (28-1, 191).

К 1856 году, по мере укрепления его социального и материального положения, получив повышение в чине, Достоевский стал все более и более тяготиться этой ситуацией и воспринимать ее в комическом ключе. Он все реже посещал «салоны», что привело к тому, что семипалатинские дамы пытались навещать его дома. В это время Достоевский переселился на дачу Врангеля, где они, ради развлечения, стали прикармливать молоком семейку ужей, живших в саду. Мемуарист вспоминает, что когда «подошли, веселые и оживленные, наши посетительницы», «напуганные их шумным появлением, ужи шарахнулись и расплзлись в разные стороны, путаясь в платьях и под ногами вопивших диким голосом и мечущихся семипалатинских дам, быстро покинувших нашу дачу. Мы долго потом, вспоминая это происшествие, хохотали до упаду» (48—49). Это описание показывает, насколько серьезно относился Достоевский к своей роли мудреца и оракула, которую ему навязывало семипалатинское общество.

Став видным лицом в городе, Достоевский внутренне был готов поддержать какую-либо культурную инициативу, однако все попытки такого рода кончались провалом: традиционное времяпровождение глубинки брало верх. Об одном таком случае рассказывает Врангель: «Раз, помню, писаря батальона устроили в манеже представление, играли какую-то пьесу. Достоевский помогал им советами, повел и меня смотреть. Кажется, весь город собрался, особенно любопытный прекрасный пол; манеж был набит... И кончилось это удовольствие скандалом. В антракте, в виде дивертисмента, вышли солисты-писаря и, думая позабавить публику, запели такие сальные песни, преподнесли такие срамные куплеты, что дамы бросились бежать, а Беликов и офицеры пришли в неистовый восторг и буквально гоготали от удовольствия» (27—28).

Находясь в Семипалатинске и получив из Петербурга от брата Михаила Михайловича несколько посылок с книгами и журналами, Достоевский давал их читать своим новым знакомым. Судя по описанию аналогичного случая в «Селе Степанчикове», это могло выглядеть следующим образом: «Сочинители волтерьянцы-с? — проговорил Ежевикин, немедленно очутившись подле господина Бахчеева. — Совершенную правду изволили изложить, Степан Алексеич. Так и Валентин Игнатич отзываться наемни изволили. Меня самого волтерьянцем обозвали — ей-богу-с; а ведь я, всем известно, так еще мало написал-с... то есть крынка молока у бабы скиснет — всё господин Вольтер виноват! Всё у нас так-с. — Ну, нет! — заметил дядя с важностью, — это ведь заблуждение! Вольтер был только острый писатель; смеялся над предрассудками; а волтерьянцем никогда не был! Это всё про него враги распустили»; «Но знаешь, Сережа, самые сильные науки, по-моему, это в том толстом журнале, как бишь его? еще в желтой обертке... — „Отечественные записки“, папочка. — Ну да, „Отечественные записки“, и превосходное название, Сергей, — не правда ли? так сказать, всё отечество сидит да записывает... Благороднейшая цель! преполезный журнал! и какой толстый! Подика, издай такой дилижанс! А науки такие, что глаза изо лба чуть не выскочат... Намедни прихожу — лежит книга; взял, из любопытства, развернул да три страницы разом и отмахал. Просто, брат, рот разинул! И знаешь, обо всем толкование: что, например, значит метла, лопата, чумичка, ухват? По-моему, метла так метла и есть; ухват так и есть ухват! Нет, брат, подожди! Ухват-то выходит, по-ученому, не ухват, а эмблема или мифология» (3, 135).

Достоевский остро чувствовал глупость и неосновательную претенциозность семипалатинской общественной жизни, и не случайно «Село Степанчиково» начал

в жанре комедии, написанной по свежим следам, под впечатлением от недавно происшедших событий, связанных с условиями жизни в Семипалатинске и посещением местных «салонов». Ирония по отношению к семипалатинской «светской жизни» в восприятии ее Достоевским сочеталась с самоиронией. Врангель пишет о том, что Достоевский посещал дома и салоны «как и всюду, в своей серой солдатской шинели» (25). Это не могло не стать предметом шуток между друзьями, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова был слишком хорошо известен Достоевскому, и он не мог не вспомнить насмешки Печорина над Грушницким, который бравировал фактом своего разжалования в солдаты: «...небо не хотело соединить ее с ним, потому что на нем была солдатская шинель, хотя под этой толстой серой шинелью билось сердце страстное и благородное...»; «А признайтесь, — сказал я княжне, — что хотя он всегда был очень смешон, но еще недавно он вам казался интересен... в серой шинели?..»²⁸ Психологическое состояние Достоевского в Семипалатинске неожиданно получило аллюзивный адрес в повести Лермонтова и далее стало личным опытом, который помог ему в работе над «Селом Степанчиковым». В том же ключе зашифрованной самоиронии Достоевский написал следующие строки своего романа: «Явился Фома Фомич к генералу Крахоткину как приживальщик из хлеба — ни более, ни менее. Откуда он взялся — покрыто мраком неизвестности. Я, впрочем, нарочно делал справки и кое-что узнал о прежних обстоятельствах этого достопримечательного человека. Говорили, во-первых, что он когда-то и где-то служил, где-то пострадал и уж, разумеется, „за правду“. Говорили еще, что когда-то он занимался в Москве литературою» (3, 7—8). Вероятно, подобным образом семипалатинские обыватели толковали о Достоевском как о столичном жителе и литераторе, пострадавшем за правду, «под грубой серой шинелью которого — благородное сердце». Как выглядели знакомства жителей Семипалатинска с писателем можно предположить по следующему эпизоду из «Степанчикова»: «...вдруг очутился подле меня Обноскин и схватил меня за руку. — По крайней мере позвольте мне искать вашей дружбы! — сказал он, крепко сжимая мою руку и с каким-то отчаянным выражением в лице» (3, 125).

От тягот солдатской службы и от психологических невзгод при посещении семипалатинских «салонов» Достоевского спасала литература. Он много читал в это время, любил декламировать стихи Пушкина, и, как пишет Врангель, «лицо его при этом сияло, глаза горели» (33). Многие люди, встретившиеся ему в Семипалатинске, стали прототипами героев «Села Степанчикова» и других его произведений, в соответствии с принципом того глубокого автобиографизма, которому подчинено творчество писателя, систематически создававшего в своих произведениях криптограммы личных впечатлений, когда-то тронувших его сердце. Следует отметить, что пребывание Достоевского в Семипалатинске оставило след, можно сказать — стало крупным событием и в жизни тех, кто с ним там встречался. Одна из этих дам, Зинаида Артемьевна Сытина (урожд. Гейбович), дочь одного из сибирских друзей Достоевского, ротного командира А. И. Гейбовича, позже писала Достоевскому: «Часто, очень часто мы вспоминали о Вас. Маменька рассказывала нам про все хорошие минуты, проведенные с Вами. (...) пишу, исполняя последнюю просьбу моей умирающей матери. (...) Я буду и тем счастлива, что Вы, читая мое письмо, вспомните всегда глубоко уважающую Вас — Зинаиду Сытину».²⁹ Для Достоевского же самым важным событием его семипалатинской жизни стала встреча с будущей женой, Марией Дмитриевной Исаевой, лицо и характер которой также получили свое отражение в одном из персонажей «Села Степанчикова», Татьяне Ивановне. Описание ее в романе Достоевского и в воспоминаниях Вранге-

²⁸ Лермонтов М. Ю. Княжна Мери // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1981. Т. 4. С. 250, 273.

²⁹ Письмо З. А. Сытиной к Ф. М. Достоевскому от 24 сентября 1875 года (Неизданные письма к Достоевскому // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Вып. 2. С. 300).

ля удивительным образом совпадает: «Марии Дмитриевне было лет за тридцать; довольно красивая блондинка среднего роста, очень худощавая, натура страстная и экзальтированная. (...) Она была начитана, довольно образована, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна. В Федоре Михайловиче она приняла горячее участие, приласкала его, не думаю, чтобы глубоко оценила его, скорее пожалела несчастного, забитого судьбою человека» (38). В «Селе Степанчикове» Татьяна Ивановна описана как «престранная дама, одетая пышно и чрезвычайно юношественно, хотя она была далеко не молодая, по крайней мере лет тридцати пяти. Лицо у вей было очень худое, бледное и высохшее, но чрезвычайно одушевленное. Яркая краска поминутно появлялась на ее бледных щеках, почти при каждом ее движении, при каждом волнении. Волновалась же она беспрерывно, вертелась на стуле и как будто не в состоянии была и минутки просидеть в покое. Она всматривалась в меня с каким-то жадным любопытством, беспрестанно наклонялась пошептать что-то на ухо Сашеньке или другой соседке и тотчас же принималась смеяться самым простодушным, самым детски-веселым смехом» (3, 43—44). Как совершенно адекватно оценил эту ситуацию Врангель, Исаева, как и другие семипалатинские дамы, знала о падучей болезни Достоевского, о его нужде в средствах, о том, что он «человек конченный», «человек без будущего», в то время как Достоевский принял все это за любовь к нему и сам влюбился в нее «со всем пылом молодости» (38—39).

Известно, что Достоевский всю жизнь работал, получая деньги от издателя вперед, так, по его собственному признанию, он написал все, кроме первого произведения («Бедных людей») и романа второго дебюта («Записок из Мертвого дома»).³⁰ Некоторые исследователи склонны связывать это исключительно с тяжелыми условиями жизни писателя; в этом есть правда, но правда есть и в другом, в том, что он высказал на страницах «Степанчикова»: «гений, покамест еще собирался прославиться, требовал награды немедленной. Вообще приятно получать плату вперед, а в этом случае особенно» (3, 13). Находясь в Семипалатинске, Достоевский мечтал о возвращении к литературе и реализации своего сокровенного замысла произведения о «положительно прекрасном человеке». Похожие мечты есть и у Опискина: «Фоме предстоит величайший подвиг, подвиг, для которого он и на свет призван и к совершению которого понуждает его какой-то человек с крыльями, являющийся ему по ночам, или что-то вроде того. Именно: написать одно глубокомысленнейшее сочинение в душеспасительном роде, от которого произойдет всеобщее землетрясение и затрещит вся Россия. И когда уже затрещит вся Россия, то он, Фома, пренебрегая славой, пойдет в монастырь и будет молиться день и ночь в киевских пещерах о счастья отечества» (3, 13). Таков был ответ Достоевского своим литературным оппонентам на обвинения в заносчивости; на эти обвинения и издевательские эпиграммы он ответил самоиронией и автопародией, описав в комическом ключе свои собственные мечты и создав образ Фомы Опискина, «образованного и несчастного» человека, неуклюже упивающегося своей гениальностью (3, 15). Особенность этого произведения состоит в том, что развернутая в «Бедных людях» тема трагического стеснения одаренной, талантливой натуры тяжкими социальными ограничениями оказалась здесь вывернута наизнанку, меняя основные значения местами: живущий на хлебах и страдающий от этого потенциальный «непризнанный гений» получает черты самодовольного и хитрого проныры, а кормящий его богатый помещик Ростанев — «положительно прекрасного человека», являющегося предтечей Мышкина из «Идиота» и Алеши из «Братьев Карамазовых». Отношение Фомы Опискина к Девушкину принципиаль-

³⁰ «Так я писал и всю мою жизнь, так написал всё, что издано мною, кроме повести „Бедные люди“ и некоторых глав из „Мертвого дома“. Очень часто случалось в моей литературной жизни, что начало главы романа или повести было уже в типографии и в наборе, а окончание сидело еще в моей голове, но непременно должно было написаться к завтраму» (20, 133).

но такое же, каково отношение Голядкина-младшего к Голядкину-старшему в «Двойнике»: второй дебют Достоевского, незаконченный роман «Село Степанчиково и его обитатели» фиксирует в своем сюжете ту же проблему конфликта творческой личности и общества, что и в его первом произведении, но в противоположной этической перспективе. Активное использование этой художественно-эстетической модели скрытой автобиографической аллюзии стало затем характерной приметой произведений Достоевского 1860—1870-х годов.